

«Нет, нет, это ложь, невозможно. Кто может быть настолько жестоким, чтобы ради причинения боли врагу бросить собственное дитя в воду? Даже если это мертворожденный младенец, никто не способен на такую бесчеловечную жестокость, верно?...»

Но у Босса Чжэн тоже не было причин спустя столько лет вдруг шутить с ней таким образом!

Цю Минцюань слегка пошевелился, приблизился к Вэй Цин и легонько толкнул её локтем.

Вэй Цин, чьи мысли были в полном хаосе, растерянно повернула голову и, увидев его лицо, наконец немного пришла в себя.

— Уберите тряпки из их ртов, — распорядился Президент Фэн.

Цю Минцюань взглядом дал понять, и Вэй Цин мгновенно уловила его намерение. Она тихо наклонилась, приблизив лицо к спине Цю Минцюаня.

Его запястья были крепко связаны, но пальцы оставались подвижными. Ощупывая, он быстро нашёл лицо Вэй Цин и, с трудом напрягая пальцы, вытянул тряпку, засунутую ей в рот.

Проделав то же самое, Вэй Цин тихо вытащила тряпку из его рта. Но попытки развязать друг у друга верёвки оказались бесплодными.

Узлы были тугими, а инструментов под рукой не было. Даже после долгих усилий, используя только ногти и пальцы, они не добились никакого прогресса.

— Тётя Вэй, это бесполезно, — тихо сказал Цю Минцюань. — Давайте сохраним силы.

Вэй Цин тоже была вся в поту. В состоянии крайней усталости она, напротив, чувствовала странное возбуждение и совсем не хотела спать.

В землянке было одно окно, расположенное довольно высоко. Снаружи пробивался слабый лунный свет. Она смотрела на лицо Цю Минцюаня, и дурное предчувствие схватило её за сердце, вызывая острую боль.

Тот взгляд Босса Чжэна был полон убийственной решимости. Она видела его не впервые.

Много лет назад она видела его на другом человеке, и он до сих пор преследовал её в ночных кошмарах.

— Глупый мальчик, — прошептала она. — Зачем ты...

Если эти безумцы решат убить их, то этот ребёнок... В любом случае, это не то, что он должен пережить.

Цю Минцюань слегка улыбнулся. Сам он тоже был в замешательстве.

Почему он тогда выступил вперёд, заменив Сян Чэна? Он и сам не знал. Может быть... он просто считал, что Сян Чэн не должен умирать?

— Сян Чэн — сын героя, — тихо сказал он. — Его отец был героем, и он сам тоже хороший человек.

Когда Босс Чжэн прижал его к осколкам фарфора, он почти почувствовал, как осколки приближаются к его левому глазу. Если бы Сян Чэн не бросился вперёд и не укусил Босса

Чжэна, он, вероятно, потерял бы глаз.

В тот момент, несмотря на всю свою храбрость, он на мгновение почувствовал дрожь и страх. Нельзя не признать, что поступок Сян Чэна в тот критический момент действительно спас его.

Услышав об отце Сян Чэна, Вэй Цин с болью закрыла глаза. Ужасные события тех лет, как прилипшая к кости зараза, остались кошмаром, от которого она не могла избавиться.

Отец Сян Чэна погиб так трагически и героически. Хотя она не видела этого своими глазами, она отчётливо помнила, как Сян Юаньтао, вернувшись с телом товарища, этот человек, который не дрогнул бы даже перед лицом катастрофы, был на грани срыва...

Она с усилием подавила нахлынувшие болезненные воспоминания и уставилась на лицо Цю Минцюаня. Половина его лица была в крови, кожа на лбу была разорвана, одна глазница слегка опухла, но всё же можно было разглядеть его красоту и спокойствие, совершенно не свойственные подростку.

Сказать «спасибо» казалось слишком поверхностным. Она не знала, что сказать, чувствуя, как боль в её сердце становится всё сильнее, словно что-то рвёт его на части.

Она действительно не боялась смерти, но не хотела, чтобы этот ребёнок погиб вместе с ней.

У него впереди должна была быть прекрасная жизнь, он не должен был бессмысленно погибнуть, заменив Сян Чэна.

— Прости... прости, — беспомощно повторяла она, глаза наполнились слезами.

— Тётя Вэй, с нами всё будет хорошо, — только тихо сказал он, не желая говорить о Фэн Жуне, чтобы не беспокоить её. — Дядя Сян и другие обязательно найдут нас, не волнуйтесь.

Вэй Цин кивнула, но в душе стало ещё тяжелее. Долгая ночь, постоянное давление, слова Босса Чжэна лишали её покоя. Внезапно она сказала:

— Да, я не должна умирать, я должна жить! Мой сын... возможно, он не умер.

Цю Минцюань с удивлением посмотрел на неё, а в его душе Фэн Жуй тоже замер.

Накопленные за годы надежды под давлением тени смерти заставили Вэй Цин внезапно захотеть выговориться.

Она торопливо заговорила:

— Знаешь, много лет назад, когда этих бандитов арестовали, несколько главных преступников, которых должны были казнить, настаивали, что они убили моего и Юаньтао сына и бросили его тело в бочку с водой. Юаньтао и другие пошли искать и действительно нашли тело...

Цю Минцюань молча слушал, понимая, что она сейчас находится в сильном волнении.

— Только одна женщина, жена главаря наркоторговцев, всё время бредила, что ребёнок не умер, а был выброшен. Следователи долго её допрашивали, но все склонялись к тому, что она просто бредила из-за того, что у неё был выкидыш...

Её голос дрожал, в ночной тишине звучал особенно глухо:

— Но Юаньтао и я всё же сохраняли небольшую надежду. Полиция обыскала деревню, где они скрывались, и окрестности на десятки километров, но никаких следов не нашла.

Она закрыла глаза:

— Я не верила, я всегда думала, что наш ребёнок, возможно, жив. Мы с Юаньтао искали долго, но... но так и не нашли.

Не в силах больше сдерживать боль, она стиснула губы, подавляя рыдания:

— В конце концов, Юаньтао похоронил тело того ребёнка... Но. Но ты только что слышал? Этот человек сказал... сказал, что они действительно не убили его!

Её глаза блестели, неясно, от боли или надежды:

— Ему нет смысла лгать, зачем ему это нужно, правда?!

Босс Чжэн сказал, что ребёнка выбросили сразу после выхода из города, это объясняет: наркоторговцы сбежали за сотни километров, и в то время Юаньтао и другие искали в другом месте, поэтому не нашли!

Фэн Жуй в душе Цю Минцюаня вдруг тихо сказал:

«Тётя Вэй права. Босс Чжэн действительно не имеет причин лгать. Очевидно, он искренне считает, что ты — сын Сян Юаньтао, он, похоже, уверен, что семья Сян нашла потерянного ребёнка.»

Цю Минцюань смотрел на Вэй Цин, чьё лицо было в слезах, и почему-то в его сердце возникла странная горечь и печаль.

Он тихо приблизился и прижался к Вэй Цин своим худым плечом:

— Тётя Вэй, вы правы, ваш сын точно жив.

Он смотрел на неё, ободряя:

— Посмотрите, если та женщина говорила правду, то ребёнка выбросили на обочину дороги, ночью выбросили, а утром на дороге уже были люди — вполне возможно, что ваш и дяди Сяна сын был подобран добрыми людьми и воспитан в другом месте, разве нет?

Он сделал паузу, затем с жаром продолжил:

— Посмотрите на меня, меня тоже подобрали бабушка и дедушка, в мире много добрых людей, не переживайте!

Вэй Цин смотрела на него, и слёзы вдруг хлынули из её глаз. Она усердно кивала.

Да, да! Возможно, добрые люди подобрали его, её ребёнок точно живёт в какой-то доброй семье, здоровый и счастливый.

Если он действительно жив, то сейчас он, вероятно, такого же возраста, как Сян Чэн и Цю Минцюань.

Она посмотрела на Цю Минцюаня, при лунном свете его лицо выглядело особенно отчётливо, и

вдруг слова Босса Чжэна неожиданно всплыли в её памяти.

«Это лицо, кто поверит, что они не родные мать и сын?!»

Она застыла, глядя на прекрасного юношу перед ней, и вдруг спросила:

— Почему... твоё имя тоже Минцюань?

Цю Минцюань не понял её вопроса:

— Тоже?

Вэй Цин горько улыбнулась:

— Мы с Юаньтао назвали нашего новорожденного сына Минцюань.

В душе Цю Минцюаня Президент Фэн вдруг удивленно произнес:

«Э-э?»

Хотя его семья была близка с семьёй Сян, и он с детства знал о том, что ребёнок Сян был убит бандитами, такие раны обычно не обсуждались, и он знал лишь общие детали.

«Тоже... Минцюань?»

<http://bllate.org/book/16729/1539293>